

Суд истории на примере трагедии Пушкина «Борис Годунов»

Борис Годунов виновен в смерти царевича Дмитрия – на этом утверждении строится вся трагедия Пушкина, доказывается, что правителя-цареубийцу ждет неминуемое наказание, а его правление несет смертельную опасность государству. От суда Истории Борису Годунову не уйти, через безвестного послушника Чудого монастыря Гришку Отрепьева совершит она свое возмездие.

Слухи о причастности Годунова к смерти царевича Дмитрия возникли сразу после событий в Угличе и со временем не только не исчезли, а разрастались. Их исподтишка подпитывает боярин Василий Шуйский, бывший главой следственной комиссии по этому делу, но побоявшийся разоблачить Годунова перед царем Федором. Цареубийство описывает в своей летописи монах Пимен, находившийся в то время в Угличе. О нем перешептываются на улицах, а блаженный юродивый Николка открыто обвиняет Бориса. Он жалуется Годунову на мальчишек, которые отобрали у него копеечку и просит, чтобы он зарезал их, как зарезал царевича Дмитрия. Николка отказывается молиться за Бориса, называя его царем-иродом. Известно, что Ирод сгубил тысячи младенцев.

С воцарением Годунова шлейф страшного преступления покрыл Московский престол.

ВОЦАРЕНИЕ БОРИСА

С воцарения Годунова Пушкин и начинает свою трагедию.

Весь народ во главе с боярами и священниками собрался около Новодевичьего монастыря, где заперся Борис у своей монахини-сестры, и упрасивает его вступить на безвластный престол. В это время в Кремлевских палатах поставленные следить за порядком Воротынский и Шуйский ведут беседу.

Воротынский с беспокойством спрашивает: как думаешь, чем кончится?

Шуйский усмехается:

Чем кончится? Узнать не мудрено:
Народ еще повоет да поплачет,
Борис еще поморщится немного,
Что пьяница пред чаркою вина,
И наконец по милости своей
Принять венец смиренно согласится;
А там – а там он будет нами править
По-прежнему.

Воротынский сомневается: а если нет, а если, в самом деле, Борису наскучили державные заботы, и он не захочет вступить на престол? Что скажешь?

Шуйский говорит:

Скажу, что понапрасну
Лилася кровь царевича-младенца;
Что если так, Дмитрий мог бы жить.

Шуйский сразу и однозначно связывает воцарение Годунова с убийством царевича: ради Московского трона Годунов совершал преступление. Воротынский понимает намек, но не унимается: точно ли царевича сгубил Борис? Шуйский в ответ – а кто же? – и рассказывает Воротынскому, как он расследовал это дело в Угличе. Воротынский удивляется, так почему же он не рассказал о своих выводах царю Федору, не показал на Годунова? Шуйский объясняет: бесполезно, царь Федор на все смотрел глазами Годунова, Годунов бы себя выгородил, а меня бы сослали в дальние места, и там бы умертвили.

Годунов был братом жены Федора и на правах ближайшего родственника занимался государственными делами, в то время как блаженный богобоязненный царь Федор отмаливал грехи отца. Годунов практически правил при живом царе, приближал к себе надежных людей, справлялся с ненадежными, задумывал проведение нужных реформ, отмену устаревших законов и обычаев (например, Юрьева дня или разрядных родословных книг).

После смерти царя Федора Годунов так и продолжает править. Но он хочет править на законных основаниях! Для этого ему нужно освещение Патриарха, решение Великого Собора и поддержка народа. Поэтому он разыгрывает хитрую сцену, что якобы слагает с себя власть и отходит от государственных дел, – при этом знает, что нужные люди на месте. Они сумеют убедить народ, что без Годунова ему никак нельзя. Недаром на улицах слышны крики: «О боже мой, кто будет нами править? О горе нам!» Годунов должен выглядеть не узурпатором власти, а спасителем отечества.

Так доверчивый народ становится заложником и соучастником преступления царя Бориса. Свой грех он делит с подданными. Поэтому наивное предположение Воротынского – может совесть не дает ему вступить на престол? – Шуйский уверенно опровергает:

Перешагнет; Борис не так-то робок!
Какая честь для нас, для всей Руси!
Вчерашний раб, татарин, зять Малюты,
Зять палача и сам в душе палач,
Возьмет венец и бармы Мономаха.

Воротынский соглашается с Шуйским: да, Годунов незнатен, не чета им, князьям Рюрикова рода, но противостоять Борису они сейчас не могут,

Народ отвык в нас видеть древно отрасль
Воинственных властителей своих.
Уже давно лишились мы уделов,
Давно царям подручниками служим.
А он умел и страхом, и любовью,
И славою народ очаровать.

Бояре, которые боялись Ивана Грозного и пережидали правление блаженного Федора, могли бы составить конкуренцию Борису, но со многими он уже расправился, остальные затаились на время, дожидаются промахов Годунова или исподволь готовят заговор. Так Шуйский предлагает Воротынскому:

Когда Борис хитрить не перестанет,
Давай народ искусно волновать,
Пускай они оставят Годунова.

Волнением народа Шуйский и будет заниматься за спиной Годунова, выдавая себя за верноподданного слугу. Но Годунов не доверяет ему. «Уклончивый, но смелый и лукавый, которому не должно доверять», – так думает о нем Годунов. Годунов не доверяет вообще никому, он следит за всеми, в каждом доме у него есть доносчики. Крепкой рукой держит он власть. Пусть явных казней не творит, как Иван Грозный, но легче жизнь бояр от этого не стала, – говорит Афанасий Пушкин Шуйскому, –

Нас каждый день опала ожидает,
Тюрьма, Сибирь, клобук иль кандалы,
А там – в глуши голодна смерть иль петля.
Знатнейшие меж нами роды – где?
Где Сицкие князья, где Шестуновы,
Романовы, отечества надежда?
Заточены, замучены в изгнанье.
Дай срок: тебе такая ж будет участь.

Бояре не могут чувствовать себя спокойно; кто уже сбежал в Польшу, кто, смерив родовую спесь, вынужден прислуживать Годунову и вместе с народом восторженно приветствовать его согласие взойти на трон:

Венец за ним! он царь! он согласился!
Борис наш царь! да здравствует Борис!

Правда, за всем этим восторгом чувствуется некое легкомыслие и неискренность московского люда. Нужно плакать от радости, да трудно выдавить из себя слезу: один советует – потри глаза луком, другой – смочи слюной. Мать бросает на землю вдруг замолчавшего младенца, но добивается от него лишь писка. Известно, что «устаи младенца глаголет истина». Сейчас, при избрании Бориса, примолк только младенец, а в

последней сцене трагедии, при избрании Лжедмитрия, безмолвствовать будет уже весь народ.

ЦАРСТВОВАНИЕ ГОДУНОВА

Неискренности приближенных Годунов отвечает подобным лицемерием. Такой «тронной» речью начинает он свое правление:

Ты, отче патриарх, вы все, бояре,
Обнажена моя душа пред вами:
Вы видели, что я приемлю власть
Великую со страхом и смиреньем.
Сколь тяжела обязанность моя!
Наследую могущим Иоаннам,
Наследую и ангелу-царю (Федору)...

О праведник! о мой отец державный!
Воззри с небес на слезы верных слуг
И ниспошли тому, кого любил ты,
Кого ты здесь столь дивно возвеличил,
Священное на власть благословенье...

От вас я жду содействия, бояре,
Служите мне, как вы ему служили,
Когда труды я ваши разделял,
Не избранный еще народной волей.

Годунов душу не обнажил, в преступлении не покаялся, «дивное возвеличивание» устроил своими руками, так же как и избрание «народной волей». На самом деле бояре и священники внушили народу выбор, а им самим выбор «нашептал» Борис.

Борис царствует уже шестой год. Он старается править во благо народа, щедротами пытается снискать его любовь, в голодные времена открывает людям свои житницы, после пожаров строит им жилища и т.п. Но благие дела оборачиваются против него: его обвиняют в случившихся бедствиях. Годунов пытается найти для себя такое оправдание:

Живая власть для черни ненавистна,
Они любить умеют только мертвых.

Суд неблагодарной черни он пытается забыть в кругу родной семьи, но и здесь не находит поддержки. Он думает про себя:

В семье моей я мнил найти отраду,
Я дочь мою мнил осчастливить браком –

Как буря, смерть уносит жениха...
И тут молва лукаво нарекает
Виновником дочернего вдовства
Меня, меня, несчастного отца!..
Кто ни умрет, я всех убийца тайный:
Я ускорил Феодора кончину,
Я отравил свою сестру царицу,
Монахиню смиренную... всё я!

Конечно Годунов понимает, что причина наговоров кроется в его преступлении. Себя он не обманет, себе он честно признается: жалок тот, в ком совесть не чиста,

Тогда – беда! как язвой моровой
Душа сгорит, нальется сердце ядом,
Как молотком стучит в ушах упрек,
И все тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах...

Совесть можно успокоить только раскаянием. Но Годунов никогда не признается в убийстве и никогда добровольно не откажется от власти. Поэтому должен появиться тот, кто заставит его это сделать, поэтому на историческую сцену выходит Гришка Отрепьев. Он исполняет в пьесе такую же роль, как Тень отца Гамлета в знаменитой трагедии Шекспира. Недаром Пушкин в его уста вкладывает слова: «Тень Грозного меня усыновила».

Появление Гришки Отрепьева происходит на шестой год правления Годунова. Пять полных лет дал Пушкин (и История) Годунову для раскаяния.

РОЛЬ ГРИШКИ ОТРЕПЬЕВА

События в келье Чудова монастыря сложились чудесным образом, но внешне все выглядело обычно. Старый монах Пимен ночью по-прежнему не спит, перед лампадой пишет свою летопись, думая про себя:

Еще одно, последнее сказанье –
И летопись окончена моя,
Исполнен долг, завещанный от бога
Мне, грешному. Недаром многих лет
Свидетелем господь меня поставил
И книжному искусству вразумил.

Последнее сказание – об убийстве царевича Дмитрия. Страшные воспоминания не исказили лица Пимена. Его однокелейник послушник Гришка Отрепьев, проснувшись,

наблюдает за старцем, пытается угадать, о чем он пишет, и не может. Сокрытых дум его не прочитать, думает Гришка, глядя на него, –

Все тот же вид смиренный, величавый,
Так точно дьяк, в приказах поседельый,
Спокойно зрит на правых и виновных,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не ведая ни жалости, ни гнева.

Пимен и самому Гришке советует продолжать свою летопись в таком же духе, говорит:

Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидетель в жизни будешь.

«Не мудрствуя лукаво», значит, не оценивая, смысл событий не всегда доступен. Но Гришке не хочется быть бесстрастным летописцем, похоронившим себя в темной келье. В нем кровь играет, он мечтает о бурной жизни, такой, как у Пимена в молодости. Пимен же его утешает: радуйся, что рано покинул грешный свет, что избежал многих соблазнов. Он приводит в пример царя Ивана Грозного, который приходил в дни самого высокого своего могущества в эту келью и мечтал принять честную схиму,

И плакал. А мы в слезах молились,
Да ниспошлет господь любовь и мир
Его душе страдающей и бурной.

Пимен вспоминал и царя Федора. Тот тоже на престоле «воздыхал о мирном житии мольчальника» и царские чертоги преобразил в подобие монастыря. Не об обратном ли действии в тот момент подумал Гришка Отрепьев, не тогда ли захотел сменить свое монашеское одеяние на царские одежды? Тем более, что именно сейчас ему три раза сряду снился странный сон: будто бы по крутой лестнице он поднимается на высокую башню; под ним внизу московский люд кипит, как муравейник, все указывают на него пальцем и смеются; потом он падал с высоты и просыпался.

Пимен рассказывал о чудесной кончине блаженного царя Федора, о том, как перед смертью его посетил светлый ангел, как палаты наполнились святым благоуханием, а лицо Федора просияло, как солнце. «Уж не видать такого нам царя», – сокрушается Пимен, зная, кто наследовал Федору, –

О страшное, невиданное горе!
Прогневали мы бога, согрешили:
Владыкою себе цареубийцу
Мы нарекли.

Гришки и раньше слышал, будто бы в смерти царевича Дмитрия виноват Борис, теперь Пимен подтвердил это. Среди прочего Пимен поведал, что когда злодеев схватили

И привели пред теплый труп младенца,
И чудо – вдруг мертвец затрепетал –
«Покайтесь!» – народ им завопил:
И в ужасе под топором злодеи
Покаялись – и назвали Бориса.

Когда Пимен сказал, что убитый царевич был одних лет с Гришкой, у Гришки возник план, как разоблачить Бориса, и он самоуверенно, про себя предупредил царя:

Борис, Борис! все пред тобой трепещет,
Никто тебе не смеет и напомнить
О жребии несчастного младенца...

И не уйдешь ты от суда мирского,
Как не уйдешь от божьего суда.

Если убийца был венчан на царство, если бояре отдали ему власть, и народ принял его, почему он, Гришка Отрепьев, не может занять его место? Он назовется спасшимся царевичем Дмитрием и заменит Бориса на троне, – вот что задумал Гришка Отрепьев. Сбежав из монастыря, он оставил записку: «Буду царем на Москве».

Игумен Чудого монастыря сразу узнал о бегстве послушника, но только на третий день сообщил об этом Патриарху. Патриарх сначала пытался принять свои меры, не хотел докладывать Годунову: нечего тревожить царя по пустякам. Считал, что сможет поймать врагоугодника и за его глупую выходку – «эдакую ересь: буду царем на Москве!» – сослать на вечное покаяние на Соловки. Ересь состояла в том, что Гришка Отрепьев хотел стать помазанником божьим.

С точки зрения исторической справедливости план Гришки Отрепьева был верным, но методы осуществления – преступными: в союзники себе он выбрал врагов Руси и православия – поляков.

Гришке Отрепьеву удалось добраться до Польши, устроиться слугой в дом богатого пана Вишневецкого и начать осуществлять свой замысел. Якобы умирая от тяжелой болезни, он открылся священнику, сказал, что он – русский царевич, чудесным образом спасшийся от убийцы Годунова. Священник немедленно сообщил Вишневецкому, который приложил все усилия, чтобы вылечить Гришку. Это было нетрудно, Гришка ведь притворялся. Сказал ли он правду пану, неизвестно, но планы обоих совпали. Вместе со своим слугой, вдруг оказавшимся московским царевичем, Вишневецкий с радостью пойдет завоевывать Москву. Марине Мнишек Гришка говорил,

Что ни король, ни папа, ни вельможи
Не думают о правде слов моих.
Димитрий я иль нет — что им за дело?

Но я предлог раздоров и войны.
Им это лишь и нужно.

Самозванец «умен, приветлив, ловок, по нраву всем». Он начинает собирать войско. Своим сподвижникам он дает много обещаний. Латинским попам обещает привести Русь под «папскую руку», шляхтичам – деньги, казакам – вольницу. Тщеславному поэту он дарит перстень за превосходные латинские стихи и обещает место при дворе. Молодому князю Курбскому (сыну сбежавшего от Ивана Грозного Андрея) Самозванец обещает возвращение на Родину и честь сражаться за государя, опальным русским боярам обещает власть.

Среди таких бояр оказался Гаврила Пушкин, который и послал гонца к своему дяде Афанасию Пушкину в Москву, сообщить, что в Кракове видел человека, называющего себя царевичем Дмитрием. Афанасий Пушкин поведал об этом Шуйскому, Шуйский доложил государю.

Новость ошеломила Бориса. Не сразу смог он скрыть свои чувства:

Дмитрия!.. как? этого младенца!
Дмитрия!..

Шуйскому понятно волнение Годунова. Вчера с Пушкиным они уже обсудили, чем грозит «воскресший царевич» Борису.

Шуйский

Сомненья нет, что это самозванец,
Но, признаюсь, опасность не мала.
Весть важная! и если до народа
Она дойдет, то быть грозе великой.

Пушкин

Такой грозе, что вряд царю Борису
Сдержат венец на умной голове.

Если бы Борис был не виновен в смерти царевича, появление самозванца не смутило бы его, твердой рукой покарал бы он лжеца или просто отмахнулся от новости. Сейчас же (от страха, неуверенности) он приказывает перекрыть все границы с Литвой, чтобы даже птица не пролетела, и начинает допытываться у Шуйского, действительно ли в Угличе был убит Дмитрий, не было ли подмены.

Не правда ль, эта весть
Затейлива? Слыхал ли ты когда,
Чтоб мертвые из гроба выходили
Допрашивать царей, царей законных,
Назначенных, избранных всенародно,

Увенчанных великим патриархом?..

Послушай, князь Василий:
Как я узнал, что отрока сего...
Что отрок сей лишился как-то жизни,
Ты послан был на следствие; теперь
Тебя крестом и богом заклинаю,
По совести мне правду объяви:
Узнал ли ты убитого младенца
И не было ль подмены? Отвечай.

Шуйский честно отвечает: нет, подмены не было! Шуйский знает тайну Годунова, но, как опытный царедворец, хочет воспользоваться своим знанием в нужный момент. Сейчас он заметил промах Годунова: тот чуть не сказал, что отрока сего «убили» (единственно возможный глагол), потом спохватился: «что отрок сей лишился как-то жизни», но вида не подал. Шуйский продолжает изображать преданного слугу, на угрозы Годунова смиренно отвечает:

Не казнь страшна; страшна твоя немилость;
Перед тобой дерзну ли я лукавить?..

Три дня
Я труп его в соборе посещал,
Всем Угличем туда сопровождаемый.
Вокруг его тринадцать тел лежало,
Растерзанных народом, и по ним
Уж тление приметно проступало,
Но детский лик царевича был ясен
И свеж и тих, как будто усыпленный;
Глубокая не запекалась язва,
Черты ж лица совсем не изменились.
Нет, государь, сомненья нет: Димитрий
Во гробе спит.

Лукавый Шуйский не преминул намекнуть Борису, что знает о смерти Дмитрия нечто большее. Не случайно он рассказал, что тление не коснулось лика царевича. Известно, нетленные мощи свидетельствуют о святости, а святость – о невинной жертве, иначе – об убийстве. Из-за этого божественного свидетельства Борис потом отказался перевозить тело царевича Дмитрия в Москву и выставлять на всеобщее обозрение, как советовал Патриарх, чтобы разоблачить самозванца перед народом. Годунов понимал, такая мера может разоблачить не только самозванца, но и его самого.

Годунов решил действовать по-другому: Шуйского он отправит разуверять народ, разъяснениями и указами тот должен доказывать ложность Лжедмитрия. Можно предположить, что Шуйский плохо выполнял поручение царя (оно ему было невыгодно): люди остались в неведении относительно личности самозванца.

Видимо по этой причине многие не поняли странных действий Патриарха, который предал анафеме Гришку Отрепьева и пропел вечную память царевичу Дмитрию. Люди после службы недоумевали, как можно петь вечную память живому? – а до какого-то Гришки Отрепьева им и дела нет, пусть себе проклинаят.

Возможно, проклятие повлияло: Гришка Отрепьев чуть не отказался от своего плана. Собрав войско, готовое идти на Русь, недалеко от границы он остановился в замке у знатного пана Мнишека и безумно влюбился в его дочь Марину, признанную красавицу. Сам Гришка, как говорится, лицом не вышел. По описанию (из царского указа о его поимке) известно, что он был мал ростом, грудь имел широкую, одна рука у него была короче другой, глаза светлые, волосы рыжие, на щеке бородавка, на лбу другая. Когда Марина стала оказывать ему знаки внимания, он потерял голову от любви, не отходил от нее, день ото дня откладывал выступление своего войска.

Наконец Марина назначила ему свидание. С трудом дождался Самозванец вечера, но свидание разочаровало его. Марина дала понять, что ни о какой любви разговор не идет – она желает стать Московской царицей. Поэтому, не красноречивыми признаниями (слышала она и не такие!), не пустыми обещаниями сможет он добиться ее руки. Она спрашивала Самозванца, разве он забыл, для чего собирал в Польше дружины? разве он не хочет наказать Бориса? Говорила ему:

Ты медлишь – и меж тем
Приверженность твоих клеветов стынет,
Час от часу опасность и труды
Становятся опасней и труднее,
Уж носятся сомнительные слухи,
Уж новизна сменяет новизну;
А Годунов свои приемлет меры...

Тебе твой сан дороже должен быть
Всех радостей, всех обольщений жизни,
Его ни с чем не можешь ты равнять.

Самозванец, несколько задетый такими словами, спрашивает Марину:

Скажи: когда б не царское рожденье
Назначила слепая мне судьба;
Когда б я был не Иоаннов сын,
Не сей давно забытый миром отрок,
Тогда б... тогда б любила ль ты меня?..

Марина отвечает:

Дмитрий ты и быть иным не можешь;

Другого мне любить нельзя.

Циничным признанием Марина гасит любовные мечты Самозванца. Якобы не смея обманывать любимую, он открывается ей, говорит, что никакой он не царевич, а просто – беглый монах, что не хочет делить с мертвецом свою любовницу, и ждет реакции: «Что скажешь ты, надменная Марина?» Возможно, для Марины это была не такая уж невиданная новость, может быть она об этом знала, но зачем же было признаваться?! Марина говорит Самозванцу:

Кто требовал признанья твоего?
Уж если ты, бродяга безымянный,
Мог ослепить чудесно два народа,
Так должен уж по крайней мере ты
Достоин быть успеха своего
И свой обман отважный обеспечить
Упорною, глубокой, вечной тайной...

Он из любви со мною проболтался!
Дивлюся: как перед моим отцом
Из дружбы ты доселе не открылся,
От радости – пред нашим королем
Или еще пред паном Вишневецким –
Из верного усердия слуги.

Язвительная Марина переворачивает все с ног на голову: говорить правду стыдно, обманывать и притворяться – благородно; любовь могла бы предотвратить кровопролитные сражения, нелюбовь – подтолкнула к ним. Возможно поэтому, Самозванец здесь впервые осознал себя не заигравшимся авантюристом, а действительно, царем, что Пушкин и подчеркнул, обозначив говорящего – «Димитрий».

Димитрий

(гордо)
Тень Грозного меня усыновила,
Димитрием из гроба нарекла,
Вокруг меня народы возмутила
И в жертву мне Бориса обрекла.
Царевич я. Довольно, стыдно мне
Пред гордою полячкой унижаться.
Прощай навек...

Теперь иду – погибель иль венец
Мою главу в России ожидает...

Марина слышит, наконец, «слова не мальчика, но мужа», она добилась того, чего хотела, для чего приглашала Самозванца на свидание. Она подтолкнула его к действию, не дала

погибнуть его замыслу. Завтра он выступает в поход на Русь. Марина не оставила влюбленному выбора: чтобы завоевать ее руку, он должен завоевать Московский престол.

Так История прочерчивает судьбу Самозванца. Сначала, в Чудовом монастыре, он видит вещий сон, который наяву переплетается с рассказом Пимена о Борисе Годунове и убитом царевиче Дмитрие. Потом в его голове возникает план, как наказать убийцу. Проведение и авантюрный характер помогают его осуществлению. Самозванцу удается сбежать в Польшу, выдать себя за царевича Дмитрия, собрать войско для похода на Русь. Узнав о Самозванце, Годунов вдруг начинает совершать ошибки, доверяться предателям, впервые показывает свою нерешительность. Пропетая Патриархом анафема не может остановить Самозванца и изменить ход Истории. Сошедшее было на него желание Самозванца оказаться «царем на Москве», разгорается вновь во имя любви к Марине Мнишек. Самозванец начинает завоевывать Русские земли, одни победы даются ему легко, и города сдаются без боя, другие – под умелой рукой Басманова держат оборону, их дружины готовятся к наступлению... И вдруг История ставит точку: в Москве в полном расцвете лет скоропостижно умирает Борис Годунов.

Неожиданная смерть правителя уже есть знак судьбы для суеверного народа. Борис Годунов не раскаялся в своем преступлении. Он думал искупить его благими делами, и только. Он не вымаливал у Бога прощение, он слушал колдунов и чародеев. Те сулили ему долгое счастливое правление. Однако несчастья преследовали страну. Неурожаи, засухи, пожары, наводнения, нашествие иноплемennых народ издавна связывал с божьим наказанием. В летописях часто встречается фраза: «Это случилось за наши грехи».

Самозванец и свой грех перекладывает на Бориса Годунова. Ведя войска на Русь, он говорит своим соплеменникам:

Вы за царя подъяли меч, вы чисты.
Я ж вас веду на братьев; я Литву
Позвал на Русь, я в красную Москву
Кажу врагам заветную дорогу!..

Но пусть мой грех падет не на меня
А на тебя, Борис-цареубийца!

Божья кара настигла Годунова. Но даже на смертном одре он не стремится очистить душу. Ему важнее дать наставления сыну, как сохранить за собой Московский престол. На то и другое не хватает времени. Он опять выбирает власть. История посмеялась над династической мечтой Годунова. Присягнувшие его сыну бояре, предадут юного наследника сразу после смерти Годунова. Он был убит ими, не успев взойти на трон. Лжедмитрий садится в Москве. Бояре добровольно сдаются под его руку.

Возмездие над Годуновым совершила История. Поэтому Пушкину не хочется делать из Самозванца военного преступника. Он всячески выгораживает его. Первый бой у

Новгород-Северского описывается через восприятие иностранцев и передается соответственно на иностранном языке. Только после победы, удерживая свое войско от дальнейших действий, Самозванец командует по-русски: «Ударить отбой! мы победили. Довольно: щадите русскую кровь. Отбой!» Пушкин хочет создать впечатление, что Самозванец, как истинно русский государь, останавливает неприятельское войско. Именно здесь Пушкин второй (и последний) раз обозначает его роль, как «Димитрий».

Перед следующей битвой к Самозванцу приводят русского пленного. И опять Пушкин стремится показать Самозванца в выгодном свете. Его разговор с пленным выглядит как беседа добрых приятелей, никак не противников. Вместе они даже посмеиваются над заносчивыми поляками.

Самозванец: Кто ты?

Пленник: Рожнов, московский дворянин.

Самозванец: Давно ли ты на службе?

Пленник: С месяц будет.

Самозванец: Не совестно, Рожнов, что на меня ты поднял меч?

Пленник: Как быть, не наша воля.

Самозванец: Что Годунов? Зачем он отозвал Басманова в Москву?

Пленник: Царь наградил его заслуги честью и золотом. Басманов в царской Думе теперь сидит.

Самозванец: Он в войске был нужнее. Ну что в Москве?

Пленник: Все, слава богу, тихо.

Потом Самозванец интересуется, много ли войска у царя, и узнав, что больше в несколько раз, довольный, назначает сражение. Поляки удивляются: зачем?

Лях

Назавтра бой! их тысяч пятьдесят,
А нас всего едва ль пятнадцать тысяч.
С ума сошел.

Другой

Пустое, друг: поляк
Один пятьсот москалей вызвать может.

Пленник

Да, вызовешь. А как дойдет до драки,
Так убежишь от одного, хвостун.
(Все смеются.)

Это сражение Самозванец, конечно, проигрывает. Но он не унывает. Ему жалко только своего издыхающего коня, а не разбитое войско. Гаврила Пушкин про себя замечает:

Пушкин

Ну вот о чем жалеет!
Об лошади! когда все наше войско
Побито в прах!..

А где-то нам сегодня ночевать?

Самозванец

Да здесь в лесу. Чем это не ночлег?
Чем свет, мы в путь; к обеду будем в Рьльске.
Спокойна ночь.
(Ложится, кладет седло под голову и засыпает.)

Пушкин

Приятный сон, царевич!
Разбитый в прах, спасаясь побегом,
Беспечен он, как глупое дитя;
Хранит его, конечно, провиденье;
И мы, друзья, не станем унывать.

«И мы, друзья, не станем унывать», – подмигивает нам не Гаврила Пушкин, а его гениальный потомок. Александр Сергеевич укладывает спать Самозванца, и больше он не появится в пьесе. Первый раз мы увидели его, когда он просыпался в монастырской келье, теперь – он засыпает в лесу. Он исполнил свою историческую роль. Гениальный ход Пушкина: глупое дитя все пережившее видит как будто во сне, им играет Провидение. Он – не преступник, не отрицательный герой, по Пушкину, он – орудие в руках Судьбы. Борис Годунов умер, Гришка Отрепьев – больше не нужен, он уходит со сцены.

ПОТЕРЯ ВЛАСТИ

Бояре, присягнувшие Самозванцу, (который в пьесе уже сошел со сцены) обрабатывают народ. Афанасий Пушкин выступает на Красной площади, с Лобного места произносит:

Московские граждане,
Вам кланяться царевич приказал.
Вы знаете, как промысел небесный
Царевича от рук убийцы спас;
Он шел казнить злодея своего,
Но божий суд уж поразил Бориса.
Димитрию Россия покорилась...

Московские граждане!
Мир ведает, сколь много вы терпели
Под властью жестокого пришельца:
Опалу, казнь, бесчестие, налоги,

И труд, и глад – всё испытали вы.
Димитрий же вас жаловать намерен...

Не гневайте ж царя и бойтесь бога.
Целуйте крест законному владыке;
Смиритесь, немедленно пошлите
К Димитрию во стан митрополита,
Бояр, дьяков и выборных людей,
Да бьют челом отцу и государю.

Все повторяется как при избрании Бориса. Народ соглашается:

Что толковать? Боярин правду молвил.
Да здравствует Димитрий, наш отец!

С амвона какой-то мужик подначивает московский люд (не обошлось здесь, видимо, без Шуйского):

Народ, народ! Ступай! вязать Борисова щенка!..
Вязать! Топить! Да здравствует Димитрий!
Да гибнет род Бориса Годунова!

Народ, готовый на расправу, несется в Кремль. Страшные события ожидаются дальше. Но нет, удивительный Пушкин вводит нас как будто в русскую сказку. Из окошка красивого терема выглядывают нежные голубки-дети, наивно смотрят они на толпу. Люди под их чистым взглядом останавливаются, задумываются, начинают переговариваться:

- Брат да сестра! бедные дети, что пташки в клетке.
- Есть о ком жалеть? Проклятое племя!
- Отец был злодей, а детки невинны.
- Яблоко от яблони недалеко падает.

Но боярам нет нужды выслушивать народные сомнения. Скорые на расправу, они спешат принять свои меры. «Расступитесь, расступитесь», – кричат они людям, входя в терем.

«Братец, братец, кажется, к нам бояре идут», – отзвуком сказочной Аленушки слышится из окошка жалостливый голос царевны.

- Зачем они пришли?
- А верно, приводить к присяге Феодора Годунова.
- В самом деле?..

Из окошка доносится шум драки, женский визг. Потом все затихает, двери отворяются, на крыльце появляется боярин Масальский, сообщает: «Народ! Мария Годунова и сын ее Феодор отравили себя ядом. Мы видели их мертвые трупы». Народ в ужасе молчит.

Мосальский продолжает: «Что ж вы молчите? Кричите: да здравствует царь Димитрий Иванович!» Народ безмолвствует.

Безмолвствует – потому, что понял весь ужас своей преступной доверчивости и внезапного прозрения: бояре врут. На их глазах убили сына Годунова, а Масальский сказал, что он отравился. Видно, так же было и в Угличе: царевича зарезали, а сказали, что он сам напоролся на нож. Теперь бояре хотят посадить на трон неизвестного самозванца, призывают людей кричать ему здравицу. Есть от чего замолчать.

Люди задумались и больше не хотят быть соучастниками боярских преступлений. Они увидели убийство, заглянув с улицы в окошко царского терема. Так Пушкин зациклил сцену. Вспомним, «Борис Годунов» начинался с того, что бояре смотрели наружу на народ из Кремлевских палат. Не только безмолвием, но и переверотом экспозиции Пушкин показывает перемену, произошедшую в народе.

Пушкин показывает, что судьба правителя и народа связана неразрывно: общей ответственностью – за преступления и общей славой – за победы. Не может безнравственная власть дать доброго ростка, она зачахнет, корень ее сгниет.

Хитрый Годунов получил корону государя и был уверен, что станет основателем новой царской династии, что передаст трон своему сыну. Пусть Федор пока только рисует карты Московского царства, извиистой лентой выводит великую Волгу, скоро вся эта земля окажется под его рукой. Годунов в этом не сомневается. Но на деле оказалось, что не сын, а безродный самозванец наследовал ему. А затем наступили Смутные времена, из которых Россия чудом вырвалась.

И виноват в этом не Гришка Отрепьев, а – Борис Годунов. Самозванца Пушкин не осуждает, а всячески выгораживает. Он старается не замарать его в сражениях, невозможностью исполнения оправдывает его откровенно авантюрные обещания полякам, он наделяет его страстным сердцем, готовым ради любви отказаться от власти. Но отказаться от власти он не может, потому что История выбрала его своим орудием для возмездия Годунову. И только когда Годунов умирает, Самозванец исчезает со сцены.

Пушкин не стремился к исторической объективности, его Самозванца нельзя сравнивать с реальным прототипом. Не русскую историю в стихах писал Пушкин, он через эпизод Смутного времени доказывал свою мысль: царевубийцу на троне ждет неминуемое возмездие, а его правление несет смертельную опасность народу и государству. Удивительным образом История подтвердила ее. 7 ноября 1825 года Пушкин дописал трагедию, а через 12 дней в Таганроге скоростижно скончался Александр I. Про Александра ходили упорные слухи, что он знал о заговоре против своего отца Павла I и не предотвратил его. Александр I (по слухам) был таким же царевубийцей на троне, как и Борис Годунов. После его правления тоже началась смута – восстание декабристов.

О ПЕЧАТИ

Конечно, во времена правления Александра I о печати и постановке трагедии не могло быть и речи. Но почившего императора сменил на троне его брат Николай I, который не был заподозрен в убийстве ближайших родственников, но который хотел после расправы над декабристами показать свою лояльность и справедливость. Поэтому через пять лет после написания, не добившись от Пушкина желаемых корректур, он разрешил публикацию «Бориса Годунова».

Правда, публикация сопровождалась разгромными статьями. Пьеса плохая, сюжет не выдержан, Пушкин исписался, чувствуется падение таланта – такие были пассажи. Слишком по тонкому льду ходил Пушкин, освещая тему преступления и наказания власти.

Даже Белинский не понял (или сделал вид, что не понял) «Бориса Годунова». Он отозвался о творении Пушкина следующим образом: «Вся трагедия как будто состоит из отдельных частей, или сцен, из которых каждая существует как будто независимо от целого». С критиком можно поспорить. «Отдельные части» – потому что разные сцены и персонажи, потому что Пушкин писал пьесу, а не исторический труд подобный «Истории государства Российского» Карамзина. Образ Годунова Пушкин передавал через восприятие разных людей, через призму разных событий, так, как на него смотрели из Кремлевских палат, с Девичьего поля, из кельи монастыря, с польской границы, из замка знатного поляка. И такие взгляды не могли быть одинаковыми, а оценки – однотипными. Пушкинская трагедия – это калейдоскоп из драгоценных камней, чудесным образом ограненных и строго подогнанных друг к другу.

Сам Пушкин считал «Бориса Годунова» сочинением, которым он наиболее доволен. Защищая его от цензуры, отказываясь выбросить из него даже слово, Пушкин писал Бенкендорфу: «Все смуты похожи одна на другую. Драматический писатель не может нести ответственности за слова, которые он влагает в уста исторических личностей. Он должен заставить их говорить в соответствии с установленным их характером. Поэтому надлежит обращать внимание лишь на дух, в каком задумано все сочинение, на то впечатление, которое оно должно произвести».

И Пушкин отстоял свое детище. В мае 1830 года он похвастался Плетневу: «Милый! Победа! Царь позволяет мне напечатать Годунова в первобытной красоте». Пушкин сохранил для нас совершенное по исполнению и глубокое по содержанию произведение – «Борис Годунов». Чтобы мы сделали из него правильные выводы!